

Прагматическая история: новый подход?

Аннотация. Во Франции недавно вышли книги Ива Коэна о власти в Новейшее время (2013) и Стефана Ван Дамма о философии Нового времени (2014), которые хотя и посвящены разным периодам и темам, но обе, по словам авторов, принадлежат к направлению прагматической истории. Что такое прагматическая история? Что она несет в себе с точки зрения практической работы историка? Цель этой перекрестной рецензии – показать существующее методологическое сходство двух книг. Мы видим, что два автора приходят к прагматической истории, опираясь на разные историографические традиции, но в обоих случаях на их приверженность данному направлению указывают три оригинальных исследовательских подхода: стремление постичь явления в процессе их проблематизации, получить доступ к социальным и культурным практикам и понять механизм циркуляций идей и знаний через производимые ими результаты. Подобные подходы с необходимостью подразумевают изменение методологической позиции историка, вынуждая его отказаться от все еще зачастую свойственных ему позиции превосходства и регрессивного метода. Открывая новые перспективы исследования, прагматическая история способна сказать свое слово в историографических дебатах по многим важным проблемам. В заключение в качестве примера в рецензии взята проблема модерности: она рассматривается не столько сама по себе, сколько с целью продемонстрировать возможности изучения публичной сферы Нового и Новейшего времени с позиций прагматической истории.

Ключевые слова: авторитет, вождь, методологические подходы, модерность, нововременная философия, прагматическая история, репроблематизация явлений, социальные практики, циркуляция, эпистемология истории.

Abstract. Recently in France two new books have been published by Yves Cohen on power in Contemporary history (2013) and by Stefan Van Damme on the philosophy of Modern history (2014), which although are focused on different time periods and themes, but both, in the words of the authors, belong to the movement of pragmatic history. What is pragmatic history? What does it entail from the point of view of a historian's practical work? The aim of this cross review is to demonstrate the existing methodological similarities between the two books. We see that two authors arrive at pragmatic history from different historiographical traditions, but in both cases their adherence to this direction is signalled by three original research approaches: the aim to understand phenomena in the process of their problematisation, to gain access to social and cultural practices, and to understand the circulation mechanisms of ideas and knowledge through their produced results. This type of approach necessarily implies a change of a scholar's methodological stance, forcing him to refute the often inherent positions of superiority and of the regressive method. Opening new research horizons, pragmatic history is capable of contributing to historiographical debates on many important topics. In conclusion, the review presents as an example the question of modernity: it is examined not so much in itself, as with the aim of demonstrating the possibilities of studying the public sphere of Modern and Contemporary times from the point of view of pragmatic history.

Key words: authority, leader, methodological approaches, modernity, Modern history philosophy, pragmatic history, phenomenon reproblematisation, social practices, circulation, historical epistemology.

Во Франции на протяжении последних лет историки предлагают радикально новые подходы. Речь идет о необходимости признать литературный характер истории и примирить жанры и разные виды нарративов. В своей недавно опубликованной книге Иван Яблонка считает, что «история тем более научна, когда она литературна». Использование оригинальных литературных форм рассматривается как усовершенствование исторической методологии и рефлексивности [1; 2]. Наряду с этой литературной историей историки представили то, что они назвали «прагма-

тической историей». Цель этой перекрестной рецензии – понять содержание и специфику этого подхода при рассмотрении двух книг, которые открыто заявляют об их принадлежности к этому направлению, – книги Стефана Ван Дамма о философии в эпоху Нового времени и работы Ива Коэна о вождизме в начале XX в. Во избежание недоразумений спешу уточнить, что я не ставлю себе задачей рассмотрение всех предложений, связанных с термином «прагматический» в разных национальных историографиях, особенно в Соединенных Штатах Америки [3, 100–138; 4, 202–225]. Отсылки к разным

прагматическим традициям будут играть второстепенную роль.

Написание одной рецензии на эти две книги может показаться странным, настолько их темы и периоды отличаются друг от друга. С. Ван Дамм изучает философию XVII и XVIII вв. с тем, чтобы предложить «другую историю», отличную от той, которая возникла в рамках истории философии и истории идей. Констатируя недавнее развитие истории культуры, С. Ван Дамм замечает, что она практически не заинтересовалась философией. Он пытается заполнить этот пробел, изучая философию как социальный опыт и рассматривая ее социальные, географические и политические преломления. В структуре книги эти идеи развиваются на протяжении четырех частей, при этом анализ пространственной динамики подталкивает к проблеме универсальности Просвещения, рассматриваемой в отдельной части [5]. Книга Ива Коэна посвящена навязчивой идее вождизма и озабоченности руководством, возникающим как особые проблемы в конце XIX в. во Франции, Германии, США и СССР. В момент политической демократизации и развития капитализма одержимость вождизмом выражала переживаемые обществами трансформации, вызывавшие беспокойство элит в отношении возвышения толпы. Призывы к вождям породили огромное количество литературы, уточнявшей, какими они должны были быть и как они должны были действовать в зависимости от временных рамок и проблем, возникавших в разных странах. Исследование И. Коэна затрагивает разные сферы деятельности, которые нуждались в вождях, проводит сравнение между различными политическими режимами [6].

Несмотря на их отличия, эти две книги содержат ряд сходств методологического порядка, которые я предлагаю обозначить и рассмотреть. Во французской историографии термин «прагматический» до недавнего времени означал способ анализа документов в их перформативном, а не репрезентативном измерении. Вдохновленные прагматической лингвистикой историки заинтересовались источниками как актами, побуждающими к действию или, иными словами, влекущими за собой действие [7; 8]. Многие помнят, как двадцать лет назад Бернар Лепети отметил «возникновение новой парадигмы» в социальных науках, в которой история должна была принять участие. В «Формах опыта» он призывал к обновлению социальной истории, которая

через исследование практик смогла бы изучить проблемы согласия и соглашений в духе работ Люка Болтански и Лорана Тевено или Алена Котро [9, 14–16; 10, 272–286]. Та прагматическая история, о которой авторы говорят в последних книгах, – является ли она той, о которой мечтал Лепети? Монографии И. Коэна и С. Ван Дамма позволят нам увидеть, что прагматическая история, продолжая открытые Лепети перспективы, углубляет и расширяет их: при конструкции объектов исследования она принимает в расчет операции урегулирования со средой, проводимые акторами. В то же время она учитывает феномены циркуляции и распространения.

Толчком к написанию этой перекрестной рецензии стало мое сомнение в необходимости объявлять о моей приверженности прагматической истории, о которой я в свое время заявил в книге, опубликованной после защиты моей докторской диссертации о крымских татарах и советской политике в сфере национальностей [11]. Заимствуя элементы прагматической социологии, я поставил себе задачей проследить за действиями акторов, чтобы описать и понять эволюцию и переломы в политике по делам национальностей. Не буду останавливаться в деталях на методологии, чтобы избежать соблазна теоризации *a posteriori*. Упомяну лишь, что она являлась результатом сочетания нескольких методов, нацеленных на улавливание политики в сфере национальностей «в процессе ее производства». Уточняя мой подход, я быстро осознал, что моя методологическая рефлексия кажется застывшей в незавершенном состоянии, тогда как она должна была развиваться: здесь чувствуется сила слов и этикеток, в том числе в отношении самого себя. Предложения С. Ван Дамма и И. Коэна тронули меня, так как они представляли собой потенциальные приглашения превзойти мои сомнения, наделяя эту этикетку тем значением, которое оказывается важно для обоих авторов.

Прагматическая история, черпающая из нескольких источников

Прагматическая история представляется как оригинальное историографическое предложение, иначе авторы не испытали бы потребности дать ей особое определение. Оценить эту отстаиваемую оригинальность можно через интеллектуальные источники рассматриваемого подхода. Попытаемся выяснить, на основании чего

авторы проводят переформулировку истории и какое интеллектуальное наследие они защищают. С. Ван Дамм с особой тщательностью уточняет вехи, на которые опирается его история философии. Он упоминает три историографические тенденции и коллектив историков. Первым, кому он считает себя обязанным, является Даниэль Рош, его бывший научный руководитель. Работы этого историка посвящены интеллектуальному труду в старорежимных обществах. Чтобы представить контуры специфической культуры, он изучил социальность, интеллектуальные практики и мобильность. С. Ван Дамм также упоминает коллективный проект, реализованный под руководством историка Античности Кристиана Жакоба. Его «Места знаний», первые два тома которых появились в 2007 и 2011 гг., заставили задуматься о пространственных динамиках знаний и о материальных условиях их производства. Размышления о пространственной картографии философии получили развитие в трудах историков, изучивших интеллектуальные сети, концепции пространства, возникшие в эпоху Просвещения, и логики циркуляций. С. Ван Дамм также отдает дань культурной истории философских практик, которая в продолжение работ Роже Шартье уделила особое внимание построению предметов философии.

С. Ван Дамм объединяет эти три историографические тенденции не столько для того, чтобы поместить свою историю на их пересечении, сколько для того, чтобы лучше обозначить дистанцию между его подходом и существующей историографией. Именно отступление от этой историографии позволяет ему выявить «многочисленные лица философии XVII и XVIII вв.» [5, 293] через подход, который тем не менее уходит корнями в социальную историю. У С. Ван Дамма прагматическая история, даже если она и призвана обновить историю культуры, не может не быть социальной. В «Веке вождей» проблема наследия и историографических традиций ставится по-другому. И. Коэн напоминает, что большое количество работ посвящено руководству и авторитету, но при этом он подчеркивает, что «озабоченность вождем» еще не стала предметом истории [6, 23]. Историографическая генеалогия отсутствует, и изначально автор уводит читателя за пределы периметра истории, ссылаясь на Мишеля Фуко и его теорию управленческой ответственности, настаивающую на исследовании практик при анализе власти [12]. И. Коэн не помещает свою прагматическую историю в рамки

социальной истории: она скорее составляет новую область исторической науки – при условии, конечно, что социальная история имеет строго определенную территорию. Однако, как недавно заметил Франсуа Жариж, термин «социальный» получил такое расширение, что границы социальной истории оказались размытыми [13, 45–59]. Даже если прагматическая история И. Коэна не относится к социальной истории, она тем не менее остается социальной: изучение практик позволяет понять функционирование обществ.

Историю С. Ван Дамма и И. Коэна объединяет общий достаточно классический подход, заключающийся в реконструкции дисциплины извне [по поводу «Анналов» и обновления исторического подхода Марком Блоком см.: 14]. Мы можем идентифицировать несколько источников влияния. С. Ван Дамм открыто ссылается на прагматическую социологию, которая стремится уделять особое внимание опыту индивидов и групп. Возникшая в конце 1980-х гг. прагматическая социология сформировалась в противовес социологии Пьера Бурдьё [15, 281–317]. Говорить об этом социологическом направлении в единственном числе достаточно бессмысленно, настолько оно разнообразно и даже противоречиво. Так, «инструкция», которая недавно была написана для этой социологии, применима только к одной группе социологов, а другие считают ее полностью или частично неприменимой [16, 175–204]. На какую прагматическую социологию ссылается С. Ван Дамм? Он считает себя продолжателем направления, открытого Натальей Ейниш и Робертой Шапиро в отношении «артификации». Этот неологизм обозначает «становление искусством того, что не относится к искусству, в результате сложной работы, которая влечет за собой изменение определения и статуса индивидов, предметов и деятельности» [17, 20]. Ссылка на «артификацию» не исчерпывает источников вдохновения: С. Ван Дамм также использует исследования науки и технологии (STS) и социологию Пьера Бурдьё. Как мы сказали, И. Коэн является последователем Фуко, но при этом также использует работы, относящиеся к «недавно сформированному спектру прагматических социальных наук (в основном лингвистики, социологии, истории и антропологии)» [6, 25]. Кроме общих ссылок на прагматическую социологию и на исследования науки и технологий, С. Ван Дамма и И. Коэна объединяют работы о циркуляциях, которые получили особое

развитие в последние десять лет [18]. Одни и те же ссылки не всегда приводят к одинаковым интерпретациям. Различия происходят из предметов исследования, из использованных источников и из сочетаний теоретических работ – несмотря на смелые сопоставления, авторы не берут на себя задачу объяснить сочетаемость используемых ими теорий.

Очевидно, что ни одна из двух книг не упоминает ни прагматическую философию, ни вдохновленное ею историографическое течение в США. Уже в конце XIX в. Чарльз Сандерс Пирс, Уильям Джеймс и Джон Дьюи оказали огромное влияние на целый ряд американских историков. Читая их работы о «сообществе расследования» (*community of inquiry*), историки призвали к написанию Новой Истории (*New History*), отвергающей позитивизм и расшифровывающей прошлое с позиций его значимости для настоящего. Тем не менее начиная с 1950-х гг. Новая История начала терять ведущую роль, и сегодня за исключением интеллектуальной истории интерес историков к прагматизму заметно иссяк. С точки зрения Джеймса Т. Клоппенберга, это направление мысли, благодаря его широкому распространению и завоеванию умов, остается «самым важным источником идей, методов и вдохновения для американских историков» [4, 223]. Отсутствие ссылки на прагматизм и на Новую Историю фактически усиливает оригинальность французской прагматической истории – при условии, что этот термин имеет смысл.

Постичь феномены в процессе проблематизации

Повторим, что прагматическая история хочет постичь разнообразные хронологически позиционированные явления. Она не определяется через интерес к определенной эпохе или особенному предмету. И. Коэн объясняет, что его книга изучает рост озабоченности вождизмом и авторитетом с 1890 по 1940 г. С. Ван Дамм интересуется «эффектами вписания» философии в общества Нового времени XVII и XVIII вв. Прагматическая история отличается подходом, предлагающим отстраниться от разного рода очевидностей: общий смысл, доминирующие репрезентации и установленные знания. С. Ван Дамм напоминает роль интеллектуальной истории XIX в. в институционализации и признании философии, которые в свою очередь сделали застывшим жанр и институциональную практи-

ку. Таким образом, «то, что называется сегодня историей философии, отличается слабой историзацией практик и предметов, считающихся историческими неизменными» [5, 8]. И. Коэн подчеркивает то, чем дискурс об авторитете обязан наукам о лидерстве, развившимся в течение XX в. и предложившим теории вождизма и руководства. Этот акцент нужен ему, чтобы объяснить, что его исследование не основывается ни на одной из этих наук, не перенимает их точки зрения и не пытается отделить полезные элементы от бесполезных. Согласно этому автору, общества первой половины XX в. характеризуются практиками, необходимыми для руководства, и история руководства является результатом рефлексивной работы о дисциплине, нацеленной на выявление этих практик.

С давних времен история обладает критическим измерением, подталкивающим ее к изучению социальных, политических и культурных категорий во имя конструктивистских теорий. По словам Паскаль Ааг и Сирила Лемье, высказывающихся о социальных науках, критическая операция – это то, что позволяет начать расследование [19, 15]. Таким образом, прагматическая история отличается не столько своим критическим характером, сколько способом постичь предмет и заставить его работать. Предмет больше не определяется *a priori* либо потому, что историк его нашел на основании определенных критериев, либо потому, что он возник в результате работы, проведенной целой серией авторов на протяжении определенного времени. Предмет становится неустойчивым, так как прагматическая история воспринимает его в том значении, которое связано с особыми условиями и последствиями. С. Ван Дамм пишет в нескольких местах, что он рассматривает термин «философия» скорее как прилагательное. Исследование постигает предмет с тем, чтобы рассмотреть его в разных проявлениях, в том числе противоречивых. В конечном счете прагматическая история пытается сделать то, на что издавна претендовала история, неспособная полностью удовлетворить свои амбиции: выявить явления в их историчности, т. е. в особенностях их возникновения и существования. Или же, используя менее полемичную формулировку, допустим, что прагматическая история обозначает радикальный поворот в движении к этой цели. Она должна представить историчность явлений в ее двойном измерении – интеллектуальном и практическом.

Прагматическое исследование основано на нескольких методологических постулатах, более или менее эксплицитно сформулированных авторами. Так, И. Коэн упоминает необходимость отстраниться от всякого суждения с тем, чтобы «позволить теориям возникнуть и категориям акторов показать их значения», не стремясь предпочесть одни по отношению к другим: призывая к принципу симметрии истории науки, он отстаивает необходимость уделять равное внимание «победителям» и «побежденным» [6, 21]. Но чтобы понять предмет, не наделив его неизменными характеристиками или, иными словами, не сведя его к специфической сущности, требуются особые усилия от историка. Исследователь должен покинуть свою «властную» по отношению к прошлому и его акторам позицию и принять всерьез их слова и действия. И. Коэн объявляет об этом открыто: «Если теория заявляет о своем существовании, ее нужно воспринимать как теорию, если вождь объявляет себя вождем, он действительно им является» [6, 21]. Новая позиция историка оказывается в лучшем случае на уровне акторов, по меньшей мере – рядом с ними. При этом он не испытывает желания раскрыть их скрытые намерения или объявить об их иллегитимности. Смена позиции – это то, что помогает И. Коэну изучить реакции акторов на ситуации проблематизации руководства и предложить богатые и эрудированные описания вождей в действительности. Он призывает к новой форме исторической интерпретации, которая отказывается в теории от ретроспективной реконструкции серии событий с тем, чтобы обнаружить феномены в реальности их настоящего и в неизвестности их будущего.

Получить доступ к практикам

В обеих книгах авторы подчеркивают, что прагматическая история стремится постичь практики. Амбиция С. Ван Дамма заключается в том, чтобы показать философа за работой и философию в процессе становления, освободившись от взгляда на этот предмет через призму институтов и профессии. Мужчина или женщина, философ, по мнению С. Ван Дамма, – это тот, кто писал философию, производя философские предметы и заставляя их признать таковыми. В соответствии с распространенными социальными практиками его образ жизни был полностью посвящен поиску истины: философия была «моральной склонностью» («*disposition morale*»)

[5, 51]. Стремление к истине отсылает к модальностям критики, анализ которых ставит под вопрос понятие публичной сферы, теория которой была предложена философом Юргеном Хабермасом, выставившим на первый план возникновение принципа гласности, публичности (*Öffentlichkeit*) [20]. С. Ван Дамм настаивает на полемическом характере критики и на избытии суждений. Споры играли важную роль в том, что испытывали прочность теоретических высказываний и способствовали их усилению. Ссоры не исключали связей между философами, которые функционировали в режиме дружбы. Использование дружеской лексики было нацелено на поддержание философской практики и обозначало существование философского сообщества, несмотря на преследования либертенов. Принимая риск тюремного заключения и цензуры, философ выступал как защитник правого дела и разоблачитель несправедливости. Одной из крупных фигур является Вольтер, изобретатель формы «дела» в смысле тяжбы, механизмы которой были обнаружены Элизабет Клаври [21, 76–85]. Как философия Нового времени стала, в конце концов, наследием? С. Ван Дамм упоминает передачу знаний от учителя к последователю через педагогические практики и практики создания наследия: наследство в семье или отстаивание близости со стороны сподвижников. Фактически составление наследия проходило через усиливавшуюся персонафикацию философских трактатов, которая в свою очередь вписывалась в новый режим известности, историю которого написал недавно Антуан Лильти [22]. Таким образом, как напоминает С. Ван Дамм, рынок автографов и рукописных коллекций расцветает во второй половине XVIII в.

Предлагая более систематический в сравнении с С. Ван Даммом подход, И. Коэн различает два разных вида практик. Первый касается курсивных практик, благодаря которым он конкретизировал озабоченность вождизмом. Второй тип объединяет «действенные практики» («*pratiques opératoires*»), описанные через четыре аспекта руководства: планировать, показывать свое присутствие, говорить и писать. Роль плана освещается с помощью фигуры Эрнеста Маттерна – инженера Школы искусств и ремесел, сотрудника предприятия «Пежо». План связывает предвидение целей и предупреждение риска. Инструмент управления коллективными действиями, стремящийся устранить непредвиденное, он проявляется социально и физически через навя-

зывание иерархии и организацию пространства. План – это техника руководства, эффективность которой зависит от способности привести в порядок сложность. Через него проявляется авторитетность вождя. Но она тем не менее подвергается испытаниям каждый раз при возникновении непредвиденного случая и заставляет приспособить диспозитив к ситуации. Так, согласно Маттерну, руководить производством на расстоянии было невозможно. Он считал необходимым присутствие на месте для контроля над ситуацией и решения проблем. То, что И. Коэн называет «пространственным актом», то есть физическое перемещение, не сводилось к передаче приказа и слежению за его исполнением, а могло включать и коллективный поиск наилучшего решения. Другие руководители – такие, как глава предприятия Эдмон Ландауэр, – наоборот работали над техниками руководства на расстоянии: использование «кальки» позволяло географическое передвижение суждения. В Советском Союзе во время первого пятилетнего плана дебаты на Путиловском заводе показывают соперничество между несколькими концепциями руководства и вождя. Столкновение между партией и функциональными организациями привело к возникновению «искусства управления», которое определялось через срочность, сокрытие, неповиновение, согласование и выкручивание из ситуации. В то же время выстраивается аппарат управления, обладающий достаточной гибкостью для следования за переменами в экономической политике. В этом диспозитиве интересы рабочих никогда не принимались в расчет, что питало их враждебность в отношении начальников. По мнению Сталина, именно руководители должны были вести за собой пролетариат, и он был первым из них: вождь, установивший способ прямого действия для управления обществом. Анализ разработки закона 7 августа 1932 г. о хищении социалистической собственности показывает установление диктатуры и способ, с помощью которого Сталин «совершенствовал» себя как вождь через письма. Вождем был не только тот, кто действовал в этом качестве, но и тот, кто делал из себя шефа через поведение.

Понять циркуляции через их эффекты

Изучение явлений в их подвижной идентичности – это не только понимание их через практики, но и их исследование через их географические перемещения, в том числе через их различ-

ные отголоски и влияния. С. Ван Дамм подчеркивает, что «вопрос философской циркуляции, перемещения текстов или философов в Европе Нового времени становится удачным ракурсом для наблюдения за серией трансформаций, которым подвергаются новые предложения» [5, 127]. Циркуляции задавались метрополиями, составлявшими сеть, внутри которой перемещались не только идеи и люди, но и предметы: возникновение экспериментальных наук полагалось на инструменты и оборудование. Философская культура была, таким образом, материальной культурой науки. Связанность метрополий наводит на вопрос об их месте внутри универсалистского и космополитического проекта Просвещения. Благодаря университету, расположенному в городе, Эдинбург культивировал свою исключительность, развивая моральную философию, помещавшую в центр внимания концепт учтивости. Став одним из главных центров знаний в конце XVIII в., Эдинбург привлекал всех вплоть до путешественников и любителей. Впрочем, вопреки идее Республики гуманитариев, в которой циркуляции были плавными и интенсивными, С. Ван Дамм подчеркивает препятствия для осуществления мобильности, в частности методы контроля, существовавшие в XVIII в. Все знания не перемещались, а те, которым удавалось преодолеть препятствия, передвигались по особым схемам, включавшим специфических акторов и диспозитивы – такие, как торговые сети и траектории. Циркуляции производили новые знания за счет множественных усвоений, которым подвергались оригинальные знания в ходе их географических передвижений.

Помимо новых знаний, пространственное распространение философии спровоцировало философское переопределение Европы. С. Ван Дамм говорит об этом в главе о «варварской мудрости». Даже если эта тема постоянно возникла с эпохи Средневековья, в XVIII в. она позволила пересмотреть отношения цивилизованных к варварам. Философы разрабатывают новые пространства и очерчивают культурные границы Европы через определение различий. С. Ван Дамм показывает, как изобретается европейский «дикарь», использовавший тему встречи и создавший не только географическую, но и социальную экзотику. Это изобретение было совершено через определение специфических происхождения, языков и культур. Так, философы приняли участие в «европеизации в большей степени

ассимиляционистской Европы в момент, когда через убеждение или применение силы государства стремились окультурить сельскую местность и рабочие кварталы больших городов» [5, 213]. Философское определение Европы сформировалось через столкновение с колониальными образами мышления. Американские ученые отстаивали инородную природу их философии с тем, чтобы подчеркнуть их особенность в сравнении с метрополией и существование особого пути, независимого от последней. Их долг в отношении индейского мышления выразился в собрании артефактов и составлении коллекций. Встреча с населением колоний и их предметами поставила под вопрос сам акт размышления и то, что должно было считаться философией: искусство мыслить или искусство делать.

По аналогии с С. Ван Даммом И. Коэн уделяет много внимания циркуляциям. Для этого он использует сравнительную семантику, которая позволяет ему сблизить схожие лексические единицы в нескольких языках, даже если их значения отличаются друг от друга и перевод ставит под вопрос их равнозначность. По его мнению, именно лингвистические трудности помешали утверждению «исследовательского поля» в отношении авторитета и вождя. Благодаря сравнительной семантике он показывает, что циркуляции выявляются уже после первой публикации, посвященной лидерству, в 1904 г. в США в области психологии. Ее автор Льюис Терман развил теорию идентификации вождей. Он опирался на статью Габриэля Тарда на тему «интер-психологии», опубликованную в американском журнале, на книгу Альфреда Эпинаса о животных сообществах и на исследования Альфреда Бине о внушаемости, в которых уже присутствовал термин «лидер» благодаря заимствованию из американской психологии. В случае с Бине циркуляция была круговой. Перевод, не будучи обязательным условием, мог сыграть решающую роль в распространении идей, особенно когда язык оригинала (например, русский) читался с трудом. Книга психиатра и невролога Владимира Бехтерева о внушаемости в общественной жизни, впервые изданная в 1903 г., практически сразу же появилась на немецком в 1905 г., а затем на французском в 1907 г. Став доступной, она была использована социологами Робертом Парком и Эрнестом Бургессом в 1910-е гг. Размышления о вожде несомненно были результатом множественных взаимодействий, выходящих за рамки одного государства.

Обнаружить разнородность и плюрализм современных обществ

Благодаря своим перспективам прагматическая история способна стать пищей для дискуссий о модерности и углубить понятие публичной сферы, сформулированное Ю. Хабермасом, при условии признания действительными этих двух концепций. Лоран Тевено считает, что оппозиция между публичной и частной сферами не имеет смысла и что ее нужно превзойти [23]. Если, по мнению С. Ван Дамма, посредством внимания, уделяемого публичности суждений, тенденция заключалась в определении консенсусной критической культуры, сегодня стоит скорее подчеркнуть полемичный характер критики. Думать в одиночестве и в компании других индивидов означало не только думать публично, но и думать публично через конфронтацию. Межличностное основание разума имело, таким образом, конфликтный характер, и публичное использование разума построило относительно разнородную сферу, в которой суждения имели более или менее универсальную ценность, а акторы – различную легитимность. Обмен мнениями и споры зависели от способности акторов конкретизировать суждения и ценности, и именно конкретизация позволяла разделять взгляды. Внимание к полемическому характеру упражнения мысли мы находим и у И. Коэна, чье исследование Путиловского завода в Ленинграде показывает, что этот полемический характер дискуссий не был исключительным достоянием демократических и открытых обществ. Настаивая на оппозиции, с которой столкнулись нормировщики и их рекомендации, он выявляет соглашения и даже вытекающие из них конфликты. При размышлениях о советской публичной сфере в перспективе Хабермаса мы тем не менее должны учитывать слабый уровень гласности и публичности этой формы критики, по крайней мере, в первой половине XX в. [24; 25; 26].

Публичные арены, которые, по словам Джеймса, являются «плюралистическими сферами», также отличаются конфликтностью и межличностным характером [27]. Места, где выражались разные способы действия, мысли и суждения, служили и для определения общего интереса. В отношении Советского Союза суждение, представленное И. Коэном, было призвано оспаривать решения. Протестный характер критики отсылает нас к такой исторической

фигуре, как либеральный субъект. Но советский субъект – будем называть его так за неимением лучшего термина – отличался тем, что использовал критику не только для выражения протеста против режима, но и для его защиты и поддержки. Эти два аспекта не противоречили друг другу, и один и тот же индивид мог выражать оба вида критики. Признание этого постулата позволяет избежать бинарной схемы, используемой историками, которые противопоставляют принятие и оппозицию, и в которой суждение, становящееся оценочным, когда историки принимают морализаторскую позу, оказывается, естественно, на стороне оппозиции. Используя личные источники, историография субъективности указала на рефлексивную работу, выполняемую индивидами для усвоения государственных категорий и становления настоящими коммунистами [28; 29; 30; 31]. Франсуа-Ксавье Нерар показал, как сотни тысяч советских граждан обращались в письма в разные учреждения, чтобы выразить свое недовольство. Многочисленные письма указывают на доверие режиму и на способность последнего решать проблемы обывателей. Часть писем была опубликована в прессе, но сцена мнений здесь походила на театральную постановку [32].

С. Ван Дамм и И. Коэн подчеркивают разнородный характер современных обществ, выпукло выступающий в моменты проблематизации, возникающие на разных сценах с участием многочисленных акторов с разнообразными ожиданиями. Публичная сфера появляется как результат практических и интерпретационных операций в разбросанных местах и в разные моменты. Публичная сфера представляется не через доминирующий взгляд сверху, а через способы соединения между множественными планами и точками зрения. Исследование должно постичь наиболее конкретным образом все происходящие операции, отказываясь от идеи существования априорных макросоциальных категорий. С. Ван Дамм и И. Коэн повторяют свой отказ от языка социальной нормы. Тем не менее все оказывается не так ясно, как кажется, о чем говорит настойчивое использование термина «практика». Этот термин употребляется то в описательном значении для обозначения серии операций, вызванных ситуацией (Сталин, разрабатывающий закон августа 1932 г.), то в объяснительном значении для сопоставления поведения с нормой (философы, разделяющие схожий образ

жизни). Авторы по-настоящему не различают эти два аспекта и не уточняют перехода от одного к другому. Однако в целом ряде работ по философии и социологии разработано отличие между действием и практикой – так как здесь речь идет именно об этом – и затронута проблема нормативности, которая ни разу не упоминается ни в одной из двух книг. Двойственное использование понятия «практика» объясняется, без сомнений, тем, что С. Ван Дамм и И. Коэн хотят объединить описание и объяснение, индивидуальное и коллективное, изучение случаев и обобщение.

Заключение

Прагматическая история стремится пересмотреть историю и ее методы изучения обществ прошлого, предлагая рассматривать предметы через три главных направления: постижение феноменов в процессе их проблематизации, получение доступа к практикам и анализ циркуляций. Эти направления означают отказ историков от их регрессивного метода и от убеждения, свойственного многим из них, что они знают прошлое лучше, чем сами акторы. Сможет ли прагматическая история возвыситься во французском историографическом пейзаже? Ответ на этот вопрос зависит скорее всего от усилий, которые будут приложены в направлении развития размышлений о том, что этнометодологи называют «само собой разумеющимся» в историческом методе, у которого прагматическая история отнимает характер очевидности: речь идет об изначальном выборе масштаба анализа или об использовании языка социальной нормы среди прочего. Прагматической истории предстоит проделать серьезную теоретическую работу в прямой связи с эмпирическими исследованиями, которые она решит провести, и с методами, которые она использует. Прочность ее теоретической и методологической программ будет проверена и установлена в ходе этих испытаний. Если прагматическая история будет пользоваться успехом, она станет не унифицированной парадигмой, а скорее стилем, в котором узнают себя те, кто заявляет о своей принадлежности к этому направлению, в то же время признавая существование различий внутри этого подхода к истории, как это доказывают работы И. Коэна и С. Ван Дамма.

Перевод с французского Л. В. Захаровой

Библиография:

1. Jablonka I. L'histoire est une littérature contemporaine. Manifeste pour les sciences sociales. Paris: Seuil, 2014. 352 p.
2. Boucheron P. Léonard et Machiavel. Paris: Verdier, 2008. 160 p.
3. Kloppenberg J. T. Pragmatism: An Old Name for Some New Ways of Thinking? // The Journal of American History. 1996. № 1. P. 100–138.
4. Kloppenberg J. T. Pragmatism and the Practice of History: from Turner and Du Bois to Today // Metaphilosophy. 2004. № 1/2. P. 202–225.
5. Van Damme S. À toutes voiles vers la vérité. Une autre histoire de la philosophie au temps des Lumières. Paris: Seuil, 2014. 394 p.
6. Cohen Y. Le Siècle des chefs. Une histoire transnationale du commandement et de l'autorité (1890–1940). Paris: Éditions Amsterdam, 2013. 872 p.
7. Rosier-Catach I. La parole efficace. Signe, rituel, sacré. Paris: Seuil, 2004. 704 p.
8. Delaurenti B. La Puissance des mots. «Virtus verborum». Débats doctrinaux sur le pouvoir des incantations au Moyen Âge. Paris: Cerf, 2007. 579 p.
9. Lepetit B. Histoire des pratiques, pratique de l'histoire // Les formes de l'expérience. Pour une autre histoire sociale / Ed. par B. Lepetit. Paris: Albin Michel, 1995 (rééd. 2013). P. 14–16.
10. Dosse F., Garcia P., Delacroix C. Les courants historiques en France. XIX–XX siècles. Paris: Armand Colin, 2002. 332 p.
11. Dufaud G. Les Tatars de Crimée et la politique soviétique des nationalités. Paris: Éditions Non Lieu, 2011. 437 p.
12. Foucault M. Naissance du biopolitique. Cours au Collège de France, 1978–1979. Paris: Gallimard; Le Seuil, 2004. 356 p.
13. Jarrige F. Discontinue et fragmentée? Un état des lieux de l'histoire sociale de la France contemporaine // Histoire, économie & société. 2012. № 2. P. 45–59.
14. Hulak F. Sociétés et mentalités. La science historique de Marc Bloch. Paris: Éditions Hermann, 2012. 352 p.
15. Bénatouïl T. Critique et pragmatisme en sociologie. Quelques principes de lecture // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 1999. № 2. P. 281–317.
16. Barthe Y. et al. Sociologie pragmatique: mode d'emploi // Politix. 2013. № 3. P. 175–204.
17. De l'artification. Enquêtes sur le passage de l'art / Ed. par N. Heinich, R. Shapiro. Paris: Éditions de l'EHESS, 2012. 335 p.
18. The brokered world: Go-betweens and global intelligence 1770–1820 / Ed. by S. Schaffer, L. Roberts, K. Raj, J. Delbourgo. Sagamore Beach: Science History Publications, 2009. 560 p.
19. Haag P., Lemieux C. Critiquer: une nécessité // Faire des sciences sociales / Ed. par P. Haag, C. Lemieux. Paris: Éditions de l'EHESS, 2012. P. 13–27.
20. Habermas J. L'espace public. Archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise. Paris: Payot, 1978. 324 p.
21. Claverie E. Procès, Affaire, Cause: Voltaire et l'innovation critique // Politix. 1994. № 7. P. 76–85.
22. Lilti A. Figures publiques. L'invention de la célébrité (1750–1850). Paris: Fayard, 2014. 436 p.
23. Thévenot L. L'action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement. Paris: La Découverte, 2006. 311 p.
24. Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs. Public Spheres in Soviet-type Societies / Ed. by G. T. Rittersporn, M. Rolf, J. C. Behrends. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2003. 457 p.
25. Rittersporn G. T. Reflexes, Folkways, Networks: Social Spaces in the Pre-war USSR // Loyalties, Solidarities and Identities in Russian Society, History and Culture / Ed. by P. R. Ross et alii. London: UCL, 2013. P. 125–139.
26. Erren L. Stalinist Rule and Its Communication Practices. An Overview // Totalitarian Communication. Hierarchies, Codes and Messages / Ed. by K. Postoutenko. Bielefeld: Transcript Verlag, 2010. P. 43–65.
27. James W. Philosophie de l'expérience. Un univers pluraliste. Paris: Empêcheurs de Penser en Rond, 2007. 235 p.
28. Parler de soi sous Staline. La construction identitaire dans le communisme des années trente / Ed. par B. Studer, B. Unfried, I. Herrmann. Paris: Éditions MSH, 2002. 210 p.
29. Halfin I. Terror in my Soul. Communist Autobiographies on Trial. Cambridge: Harvard University Press, 2003. 366 p.
30. Hellbeck J. Revolution on my Mind. Writing a Diary Under Stalin. Cambridge: Harvard University Press, 2009. 448 p.
31. Griesse M. Communiquer, juger et agir sous Staline: La personne prise entre ses liens avec les proches et son rapport au système politico-idéologique. Francfort: Peter Lang, 2011. 536 p.
32. Nérard F.-X. 5% de vérité. La dénonciation dans l'URSS de Staline (1928–1941). Paris: Tallandier, 2004. 533 p.

References (transliterated):

1. Jablonka I. L'histoire est une littérature contemporaine. Manifeste pour les sciences sociales. Paris: Seuil, 2014. 352 p.
2. Boucheron P. Léonard et Machiavel. Paris: Verdier, 2008. 160 p.
3. Kloppenberg J. T. Pragmatism: An Old Name for Some New Ways of Thinking? // The Journal of American History. 1996. № 1. P. 100–138.
4. Kloppenberg J. T. Pragmatism and the Practice of History: from Turner and Du Bois to Today // Metaphilosophy. 2004. № 1/2. P. 202–225.
5. Van Damme S. À toutes voiles vers la vérité. Une autre histoire de la philosophie au temps des Lumières. Paris: Seuil, 2014. 394 p.
6. Cohen Y. Le Siècle des chefs. Une histoire transnationale du commandement et de l'autorité (1890–1940). Paris: Éditions Amsterdam, 2013. 872 p.
7. Rosier-Catach I. La parole efficace. Signe, rituel, sacré. Paris: Seuil, 2004. 704 p.

8. Delaurenti B. La Puissance des mots. «Virtus verborum». Débats doctrinaux sur le pouvoir des incantations au Moyen Âge. Paris: Cerf, 2007. 579 p.
9. Lepetit B. Histoire des pratiques, pratique de l'histoire // Les formes de l'expérience. Pour une autre histoire sociale / Ed. par B. Lepetit. Paris: Albin Michel, 1995 (rééd. 2013). P. 14–16.
10. Dosse F., Garcia P., Delacroix C. Les courants historiques en France. XIX–XX siècles. Paris: Armand Colin, 2002. 332 p.
11. Dufaud G. Les Tatars de Crimée et la politique soviétique des nationalités. Paris: Éditions Non Lieu, 2011. 437 p.
12. Foucault M. Naissance du biopolitique. Cours au Collège de France, 1978–1979. Paris: Gallimard; Le Seuil, 2004. 356 p.
13. Jarrige F. Discontinue et fragmentée? Un état des lieux de l'histoire sociale de la France contemporaine // Histoire, économie & société. 2012. № 2. P. 45–59.
14. Hulak F. Sociétés et mentalités. La science historique de Marc Bloch. Paris: Éditions Hermann, 2012. 352 p.
15. Bénatouïl T. Critique et pragmatique en sociologie. Quelques principes de lecture // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 1999. № 2. P. 281–317.
16. Barthe Y. et al. Sociologie pragmatique: mode d'emploi // Politix. 2013. № 3. P. 175–204.
17. De l'artification. Enquêtes sur le passage de l'art / Ed. par N. Heinich, R. Shapiro. Paris: Éditions de l'EHESS, 2012. 335 p.
18. The brokered world: Go-betweens and global intelligence 1770–1820 / Ed. by S. Schaffer, L. Roberts, K. Raj, J. Delbourgo. Sagamore Beach: Science History Publications, 2009. 560 p.
19. Haag P., Lemieux C. Critiquer: une nécessité // Faire des sciences sociales / Ed. par P. Haag, C. Lemieux. Paris: Éditions de l'EHESS, 2012. P. 13–27.
20. Habermas J. L'espace public. Archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise. Paris: Payot, 1978. 324 p.
21. Claverie E. Procès, Affaire, Cause: Voltaire et l'innovation critique // Politix. 1994. № 7. P. 76–85.
22. Lilti A. Figures publiques. L'invention de la célébrité (1750–1850). Paris: Fayard, 2014. 436 p.
23. Thévenot L. L'action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement. Paris: La Découverte, 2006. 311 p.
24. Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs. Public Spheres in Soviet-type Societies / Ed. by G. T. Rittersporn, M. Rolf, J. C. Behrends. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2003. 457 p.
25. Rittersporn G. T. Reflexes, Folkways, Networks: Social Spaces in the Pre-war USSR // Loyalties, Solidarities and Identities in Russian Society, History and Culture / Ed. by P. R. Ross et alii. London: UCL, 2013. P. 125–139.
26. Erren L. Stalinist Rule and Its Communication Practices. An Overview // Totalitarian Communication. Hierarchies, Codes and Messages / Ed. by K. Postoutenko. Bielefeld: Transcript Verlag, 2010. P. 43–65.
27. James W. Philosophie de l'expérience. Un univers pluraliste. Paris: Empêcheurs de Penser en Rond, 2007. 235 p.
28. Parler de soi sous Staline. La construction identitaire dans le communisme des années trente / Ed. par B. Studer, B. Unfried, I. Herrmann. Paris: Éditions MSH, 2002. 210 p.
29. Halfin I. Terror in my Soul. Communist Autobiographies on Trial. Cambridge: Harvard University Press, 2003. 366 p.
30. Hellbeck J. Revolution on my Mind. Writing a Diary Under Stalin. Cambridge: Harvard University Press, 2009. 448 p.
31. Griesse M. Communiquer, juger et agir sous Staline: La personne prise entre ses liens avec les proches et son rapport au système politico-idéologique. Francfort: Peter Lang, 2011. 536 p.
32. Nérard F.-X. 5% de vérité. La dénonciation dans l'URSS de Staline (1928–1941). Paris: Tallandier, 2004. 533 p.